

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ИСТОРИИ В РОМАНЕ Э. БУЛЬВЕРА-ЛИТТОНА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОМПЕЙ»

Статья посвящена исследованию образов времени и истории в романе Э.Бульвера-Литтона «Последние дни Помпей». Своеобразие художественного осмысления исторического процесса в творчестве английского романиста позволяет выявить один из аспектов концепции истории в этико-философской системе викторианской Англии в XIX в.

Роман Э.Бульвера-Литтона «Последние дни Помпей» стал первым из трех исторических произведений, в которых писатель обращается к художественному воссозданию античного мира. Результатом увлечения писателя античной культурой и поездки в Италию в 1833 году стало появление трехтомного исследования «Афины. Их возвышение и падение» («Athens. Its Rise and Fall», 1837), систематизировавшего сведения по истории, искусству, литературе, философии древнего мира.

Замысел сюжета и модель реконструкции эпизода античной истории возникли у Э.Бульвер-Литтона под впечатлением посещения раскопок Помпей, а также под непосредственным влиянием картины К.Брюллова, выставленной в Брерской галерее в 1833 г. в Милане. Романист следовал тем же путем, что и художник. При описании извержения Везувия Э.Бульвер-Литтон, помимо материалов исследований при раскопках Помпей, использовал сохранившиеся античные источники: Плиния Младшего, Тацита, Диона Кассия, и, избирая местом действия в финальных сценах дорогу Гробниц, придерживался свидетельства древних.

Бульвер-Литтон, сопоставляя свой «интеллектуальный» подход к истории с «живописным» подходом В.Скотта, тщательно документирует свои произведения и в области описания быта и нравов наследует историографическую точность В.Скотта. Главное для автора исторического романа, изображающего отдаленные и сложные эпохи, - интуитивно постичь дух времени. Такое знание вдохнет жизнь в его творения («the breath of life into his creatures»), сделает их «живыми и движущимися» («live and move» [1]). Э.Бульвер-Литтон сопоставляет роман «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788) аббата Бартельми и романы В.Скотта: «Ана-

харсис» - работа талантливая, исследовательская, изящная, тщательно выполненная. Но в ней нет жизни. Блестящая внешняя эрудиция, но обедненный дух эпохи делают это воображаемое путешествие излишне формальным и скучным. Автора не веселит вино древности» [1, р. xiii-xiv].

По мнению Э.Бульвера-Литтона, в современной ему литературе, помимо романа Дж. Локхарта «Валериус. Римская история» (1821), нет удачных образцов воссоздания античной эпохи. Изображение средних веков, отмечается в «Предисловии», хотя и требует руки подлинного мастера, но все же задача относительно легкая в сравнении с той, что стоит перед автором, обратившимся к античности.

Античный мир в восприятии Э.Бульвера-Литтона представляется «ушедшей цивилизацией», «умершей религией», культурой, отдаленной во времени и пространстве, а потому отчасти менее известной и привлекательной для «северного воображения» [1, р. viii]. Если у В.Скотта исторический процесс связан с идеей развития, неизбежной смены старого новым, то Э.Бульверу-Литтону был свойственен пессимистический взгляд на движение истории. Представление писателя о течении времени выражено метафорой вечной реки в ее беспрерывном движении. «Вечная и глубокая, она течет по зеленой равнине, которую же медленно поглощает, смывая башни и города» [2].

Темой исторических романов Э.Бульвера-Литтона, как правило, становится гибель эпохи. Закат языческой римской культуры в романе «Последние дни Помпей» («The Last Days of Pompeii», 1834), утрата надежды на восстановление республики по образцу Древнего Рима в Италии эпохи Возрождения в романе «Риенци, последний из римских трибунов» («Rienzi, the Last of the Roman Tribunes», 1835), гибель аристократии Алой и Белой

розы в романе «Последний барон» («The Last of the Barons», 1843), падение англосаксонского государства под натиском норманнов в романе «Гарольд, последний из саксонцев» («Harold, Last of the Saxons», 1848).

В романе «Последние дни Помпей» события происходят во времена правления императора Титуса, когда Римская империя находилась в зените славы, могущества и роскоши. Излагая в «Предисловии» историю замысла, Э.Бульвер-Литтон говорит о сильном искушении перенести события в процессе развития действия из Помпей в Рим, поскольку величие столицы мира дает автору широкий простор и для научных изысканий и для творческой фантазии. Однако романист был вынужден отказаться от этой идеи и в соответствии со своей концепцией времени и истории ограничить рассказ только Помпеями.

Выбор предмета изображения Э.Бульвер-Литтон аргументирует, исходя из важного для его философии истории представления о конечности эпох и цивилизаций, когда первый век христианства одновременно явился началом упадка Римской империи. Ужасная судьба Помпей «может показаться лишь частным крушением в морях имперских колебаний и катастроф» [1, p. viii], но она наиболее ярко воплощает идею временной ограниченности любого исторического периода. В процессе повествования романист решает две задачи: представить Помпеи как миниатюрное воплощение античной цивилизации I в. н. э. и показать их неуклонное движение к краху под действием закона исторической неизбежности.

Э.Бульвер-Литтон изображает Помпеи как микромодель всей Римской империи («the miniature of the civilization», «a model of the whole empire», [1, p. 10], с помощью метафор - a toy, a plaything, a showbox. Боги на время скрыли город, чтобы в будущем явить его потомкам как чудо. Помпеи напоминали игрушечный город в стеклянном ларце, где «в тесном пространстве, ограниченном городскими стенами, были сосредоточены образцы всех даров, которые роскошь может предложить могуществу», где «словно по прихоти богов была представлена величай-

шая империя» («the great monarchy of earth» [1, p. 10]. В романе Э.Бульвер-Литтон последовательно доказывает данное утверждение, воссоздавая смешение элементов различных культур, сосуществовавших в Римской империи: греческое и римское, черты египетской мифологии, элементы верований древних этрусков. Через изображение различных философских и религиозных систем – эпикурейство, стоицизм, противостояние язычества и христианства – показана сложная духовная жизнь города.

Э.Бульвер-Литтон воспроизводит элементы материальной культуры, своеобразие духовного мира, нравы и обычаи жителей Помпей; костюмы, жилища и храмы, развлечения, религиозные обряды, сцены на рынках и в термах. Опираясь на труды Витрувия («Десять книг об архитектуре», ок. I в. н.э.), материалы раскопок Помпей и исследования У.Джелла, Э.Бульвер-Литтон дает читателям общее представление о своеобразии архитектуры древнего города. В комментариях к настенной помпейской живописи Э.Бульвер-Литтон ссылается на работы историка У.Лэндора. При описании терм в Помпеях, романист также все детали подтверждает ссылкой на знатоков древностей и антикварные изыскания. Художественный метод воссоздания исторической эпохи: насыщенность текста деталями, фактами и сведениями, Э.Бульвер-Литтон объясняет задачей представить Помпеи миниатюрным воплощением античной цивилизации I в. н.э.

Смена эпох в романе представлена как противоборство трех главенствующих мировоззрений: веры в старых римских богов, культа Иисуса и христианского вероучения. В отличие от многих авторов XIX века, обращавшихся к изображению данной эпохи, Э.Бульвер-Литтон избегает идеализации раннего христианства.

В «Предисловии» Э.Бульвер-Литтон отмечает, что важной частью духовной культуры Помпей являлось увлечение восточными мистическими учениями. В описании храма Иисуса и обрядов романист опирается на сведения, полученные из трудов Апулея, Ювенала и Вольтера, на которые сделаны ссылки в «Комментариях». Э.Бульвер-Лит-

тон упоминает о процессе соединения эллинизма с религиями Востока, когда греки легко принимали верования других народов.

Значимую часть романа «Последние дни Помпей» составляет сюжетная линия, связанная с египтянином Арбаком. Увлечение Э.Бульвера-Литтона культурой Древнего Египта и мистическими учениями Востока возникло на фоне того, что внимание ученого мира в результате археологических находок в Египте на рубеже XVIII-XIX вв. после длительного перерыва вновь обратилось к египетской истории и мифологии. Помимо специальных историографических и культурологических исследований, в 1824-1832 гг. в Англии выходит издание «Герметика» («Hermetica») под редакцией и в переводе В.Скотта с подробными комментариями. В сборник вошли древние тексты, приписываемые создателю египетской философии и теологии Гермесу Трисмегисту: «Герметический свод», «Асклепий», «Священная речь Гермеса Трисмегиста» и др.

В «Примечаниях» к роману «Последние дни Помпей» Э.Бульвер-Литтон утверждает, что любому писателю, замыслившему создать нового Фауста, следует обратиться к полумифологической фигуре Гермеса-Апполлониуса, древние тексты которого стали источником для появления большинства трактатов о магии в средневековой Европе. Поиски тайных знаний магии и астрологии составляли, по выражению романиста, характерную черту описываемой им эпохи I в. н.э. Во второй книге дается история появления мистических учений в Magna Grecia (Сицилии и Южной Италии). Повествуя о судьбе Арбака, Э.Бульвер-Литтон отчасти излагает полупопулярную биографию мудреца и мага Апполлониуса.

Историографические и культурологические материалы Э.Бульвер-Литтон включает в художественную ткань повествования, используя принцип «айсберга». Подробные ссылки и примечания содержат большое количество дополнительных сведений. Они расположены таким образом, что убеждают читателя в безграничности пределов познания, когда одни факты и подробности влекут за собой другие. Указывая, что Апполлониус

Тианский был последователем Пифагора, Э.Бульвер-Литтон упоминает его учение о метемпсихозе, доктрину чисел, «Золотые правила», столь же популярные в первые века христианства, как и мистический культ Изиды, сведения о судьбе герметизма в средневековой Европе и в эпоху Возрождения. Поскольку Гермес Трисмегист – фигура полупопулярная, Э.Бульвер-Литтон считает допустимым анахронизм. Его герой-египтянин сочетает черты Гермеса-прорицателя, Апполлониуса и одновременно является прямым потомком древней династии фараонов.

Мистические традиции Египта, неудовлетворенная гордость и вера в могущество человеческого разума привели Арбака к таинственным, отвлеченным наукам. Поднимаясь по пути познания, он пришел к выводу, что сильный духом человек при помощи магии («by the cabala») может изменить привычный, предначертанный путь природы. Герой Э.Бульвера-Литтона, подобно Фаусту у И.В.Гете, или Клоду Фролло у В.Гюго, стремясь вывести науку за положенные ей пределы в сферу хаоса и тьмы, от астрономии пришел к астрологии, от химии – в запутанный лабиринт магии («spectral labyrinth of magic» [1, p. 139].

Сюжетная линия романа, связанная с Арбаком, включает эпизоды, дающие представление о низшем и высшем герметизме. Низший герметизм соединяет иррациональное, «темное» искусство магии и астрологии. Чтобы изобразить веру в магию и колдовство как неотъемлемую часть сознания эпохи, а также воссоздать древние мифологические представления о Флегрейских (Пылающих) Полях («Burnt Fields»), Э.Бульвер-Литтон, включает в систему образов фольклорный персонаж. Ведьма, собирающая ядовитые травы на болоте у подножия Везувия, – персонаж, как отмечает романист в «Комментариях», свойственный северному фольклору и часто появляется в исторических романах В.Скотта. Однако непосредственным источником стал роман Апулея «Метаморфозы», к прекрасному переводу которого, выполненному Тэйлором, Э.Бульвер-Литтон и отсылает читателей. Облик («face of the dead», «entombed») и занятия колдуньи указывают на ее связь с миром мертвых. Она

спускается по мрачному коридору, словно ведущему к чреву земли, и наблюдает в расщелине «огненную реку Флегетон», красный поток, несущий черные камни.

В «Предисловии» Э.Бульвер-Литтон отмечает, что данная часть романа является своеобразным воссозданием древних саг («saga») о Везувии. Описывая пепельно-серые скалы, вулканические равнины, вершину Везувия, словно опаленную ударами олимпийских громов («Olimpian thunderbolt»), романист ссылается на греческую мифологию и античных поэтов, вообразивших эти земли преддверием ада. Здесь помещали Ахеронт и Стикс, а Флегрейские Поля рисовали полем битвы богов и титанов («battles of the gods») [1, p. 103]. В текст романа вводится древнее этрусское пророчество. Помпеи – обреченный город, поскольку его стены возведены над царством мертвых, над реками недремлющего ада. «Под нами ад («Hell is beneath us»), темные силы там, в недрах земли прогневались на живущих наверху» («the dim things below are preparing wrath») [1, p. 221].

Лейтмотивом звучат в романе «Последние дни Помпей» предсказания, зловещие пророчества, таинственные предвестия. Авторская идея о природной катастрофе как о небесной каре соотносится с текстом герметических книг, в деталях известных Э.Бульверу-Литтону. В «Определениях» Гермеса повествуется о многочисленных демонах, обитающих вокруг солнца, которые управляют человеческими делами. Карая человечество за нечестие и безбожие, демоны исполняют волю богов «посредством бурь, вихрей, смерчей, превратностей огненной стихии, землетрясений» [3].

В процессе работы над романом замысел изменился и Арбак становится более «интеллектуальным» героем («intellectual creation»). Э.Бульвер-Литтон сосредоточил внимание на философских идеях, составивших систему высшего герметизма, где многое заимствовано из философии Платона и из греческих мифов в их стоическом толковании. Философские размышления о вечной загадке жизни («enigma of life») представлены в форме философского диалога, когда мысль движется от вопроса к ответу. Идея о

несовершенстве человеческого разума, ограниченности его пределами познания раскрывается в сновидении Арбака. Данный эпизод романа связан с мифологическим мотивом, изображающим Гермеса посредником между миром живых и умерших, а также с идеями Пифагора и Платона о реинкарнации. В недрах земли, в пространстве между колоннами, уходящими в безграничность тьмы, герой видит гигантские, непрерывно вращающиеся колеса. По галерее в дикой пляске мчатся, подобно метеорам, неверные, мерцающие огни. Далее картина в целом и отдельные образы совпадают с описанием подобного пространства у Платона в диалоге «Федр» и трактате «Государство».

По обе стороны галереи, вниз и вверх, как бы подхваченные приливом некоего невидимого потока, движутся призрачные тени («shadows», «specters»). Это еще Нерожденные («Unborn»), которые проносятся из вечности к своему предначертанному земному странствию («from the long eternity of being», «destined pilgrimage on earth», [1, p. 370] и Умершие («Dead»). На груде черепов, символизирующих бренность жизни, восседает гигантская фигура женщины, управляющей миром, сложным механизмом, который напоминает огромный ткацкий станок с бесчисленными колесами. Образ человеческого познания предстает в романе Э.Бульвера-Литтона как блуждающий свет, который пронизывает вспышкой темноту, но не рассеивает ее. Путь Арбака ложен, поскольку постичь замысел Провидения невозможно. Герой сравнивает свою судьбу с судьбой царя Пирра, обреченного жаждать всего и не насладиться ничем, чьим уделом были лавры без триумфов и слава без торжества. Течение времени ассоциируется для него с образом песочных часов: когда иссякнут песчинки, он исчезнет в темном водовороте («dark gulf»), повинувшись зову мрачного Орка.

Образная система сновидения определяет два центральных понятия, характеризующих философию истории в романе «Последние дни Помпей». Все в мире подчинено общим законам Необходимости. Судьба или Провидение управляют движением звезд, сменой времен года, замкнутым, кругово-

ротом человеческих судеб («the round and unvarying circle of human destinies», [1, p. 215]). Свойственные античной мифологии и философии представления о круговороте, циклическом вращении, вечном обновлении и завершении появляются в «Герметическом своде». В космогоническом трактате о сотворении и управлении Вселенной образ круговорота определяет жизнь природы и общества.

В образе вечного круговорота воплощается в романе Э.Бульвера-Литтона идея циклического движения истории. Арбак вспоминает о древнем величии своей страны: Египет явился колыбелью многих народов («the mother of countless nation»). Из Египта исходит мудрость Афин и искусство государственного правления Крита. Из Египта вышли те древние племена, что владели всеми знаниями и плодами человеческой мысли. Затем «орды Ромула наводнили равнины Италии и вечный круговорот событий снова привел цивилизацию к варварству и тьме» [4]. Через сопоставление прошлого и настоящего выявляется закономерность смены эпох и цивилизаций, когда упадок одних народов и культур предшествует возвышению других. Цветущие города Кампаньи Арбак сравнивает с древними городами Нила, которые сверкали «подобно жемчужинам в императорской короне» [4, с. 103]. Ныне они лежат в руинах, а дворцы и храмы превратились в могилы. Надменный захватил славу Сесостриса и Семирамиды. Та же участь постигла и прекрасную Элладу.

Картина упадка и разрушения в романе соотносится с образами древнего пророчества о старости мира в трактате «Асклепий», входящем в «Герметический свод»: «Творец, видя нравы и деяния людей, исправит зло: он утопит мир в водах, или уничтожит его огнем, или разрушит войнами и вернет ему первоизданную красоту» [4, с. 216]. Совершится закон вечного обновления. Арбак произносит зловещее пророчество («which Fate so fearfully fulfilled» [1, с. 103], предсказывая страшную судьбу Помпей, которые погибнут в ужасной огненной катастрофе, и судьбу всей Римской империи, когда «конь варвара превратит в стойло Золотой дворец Нерона».

Представления о времени как философской категории выражаются в романе через сложную систему образов. Закону вечного круговорота, обновления подчиняется судьба всего мира, судьбы империй, городов, каждого отдельного человека. Эпизод из истории раскопок Помпей, когда в саду дома был найден панцирь черепахи, становится в романе основой для размышлений о судьбе отдельного существа, звена в цепи творения («a link in the Creation» [1, p. 117]. Герой романа, Главк, наблюдает за размеренными движениями черепахи, пережившей несколько человеческих поколений. «Она сама была как бы символом времени, медленная, неуклонная, вечная, чуждая страстей, волнений и усталости смертных» [4, с. 87]. Черепаха, как и любое живое существо, тоже своего рода микромодель Вселенной. Погруженная в свой мир, подобно мудрецу-философу, она размеренно («regular») и неуклонно («monotonous») двигалась вперед. Она вращалась по своей маленькой орбите («the little orbit»), и долгое время проходило, прежде чем она завершала свой круг [1, p. 118].

С черепахой связана в романе и другая ассоциация, важная для концепции истории Э.Бульвера-Литтона. Главк вспоминает предание о смерти Эсхила: «Орел уронил камень из когтей, думая проломить панцирь черепахи, но камень разможил голову поэта. Это аллегория Судьбы» («the allegory of Fate» [1, p. 118]. Появление мотива Рока, Судьбы связано в творчестве Э.Бульвера-Литтона с его размышлениями об античной драме и античной философии. На представления романиста об историческом процессе оказала также влияние философия истории Э.Берка, на труды которого Э.Бульвер-Литтон ссылается в «Предисловии» и «Примечаниях» к роману «Последние дни Помпей».

В работе «Замечания о Настоящем: становление нации» («Observations on The Present: State of the Nation», 1769) Э.Берк, размышляет о том, что жизнь природы, жизнь отдельного человека и всего общества подчиняется универсальному Божественному закону: «Могущественный Творец нашего естества определил и наше место в общей системе бытия; расположив нас подобным образом,

согласно Божественному замыслу, по своей, а не по нашей воле, он тем самым заставил нас играть роль соответственно отведенному нам месту» [5]. Э.Берк, как впоследствии романтики, отрицает точку зрения просветителей, что история человечества есть лишь длинный перечень заблуждений и преступлений. Идея философа о значимости изучения истории для судьбы современной цивилизации, о необходимости обращения к опыту прошлого близка Э.Бульверу-Литтону.

В романе «Последние дни Помпей» кульминацией в развитии действия становится катастрофа. Повествование, включающее перипетии, мотив предсказаний и предопределенности событий, движется к кульминации, которую подготавливают не только лейтмотивные образы предчувствий и вещей снов, но и такой художественный прием, как смешение временных пластов. Повествователь в романе представлен как ученый, философ, историк, который смотрит на исторический эпизод из XIX в., сравнивает прошлое и настоящее и предсказывает события, поскольку ему известен весь сюжет в целом. «Город выглядел так же, как теперь, по прошествии столетий с ужасающей стремительностью сменявших друг друга – это был Город Мертвых» [1, р. 135]. В «Примечаниях» романист дает ссылку, что данное выражение принадлежит В.Скотту, который, посетив Помпеи вместе с сэром У. Джеллом, воскликнул: «The

City of the Dead!». О приближении неизбежной катастрофы повествователь сообщает пред началом последнего акта трагедии: «Это была последняя ночь веселых Помпей, излюбленного приюта беспечных римлян. Век проходил за веком, не задевая, и не разрушая его, а теперь последний луч трепетал на циферблате его судьбы» [4, с. 234].

Согласно теории исторического романа Э.Бульвера-Литтона, предметом изображения в историческом произведении как правило становится преступление или заблуждение нации или исторического лица, представленное в его кульминации, «в наивысшей точке страсти» [1, р. ii]. Трагический финал, развязка конфликта определяется Э.Бульвером-Литтоном как катастрофа («catastrophe»).

В романе «Последние дни Помпей» философия истории связана с двумя основными положениями. Движение времени и истории определяется неким универсальным законом, который в романе представлен образом Рока, Судьбы, Провидения. Исторический процесс движется циклически и поступательно, но обновлению, развитию всегда предшествует эпоха упадка. В то время как в Англии и всей Европе происходила смена эпох, Э.Бульвер-Литтон изображает окончание исторических периодов. Данная особенность восприятия истории отразилась в названиях исторических произведений романиста, в которых ключевым является слово «last» («последний»).

Список использованной литературы:

1. Bulver-Lytton E. The Last days of Pompeii. – Leipzig: Tauchnitz, 1842. – P. x.
2. Bulver-Lytton E. The Pilgrims of the Rhine. - N.-Y.: Saunders and Otley, 1946. - P. 77.
3. Гермес Трисмегист и герметические традиции Востока и Запада // Перев. К. Богущкого. - Киев-Москва: Алетея, 1998. - С. 84.
4. Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. Пэлэм, или Приключения джентльмена. – М.: Правда, 1988, - С. 48
5. Цит. по: Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э.Берк, Дж.Макинтош, У.Годвин. - М.: Памятники исторической мысли, 1996. - С. 44.